

История

Храм Живоначальной Троицы был спланирован и построен как центральная часть архитектурного комплекса: бесплатного приюта братьев Петра, Александра и Василия Алексеевичей Бахрушиных, предназначенного для мальчиков-сирот. Комплекс имеет особое

значение как единый архитектурно-художественный и историко-культурный ансамбль конца XIX – начала XX века.

Участок земли под устройство на нем «убежища для детей, покинутых родителями» был выделен в 1895 году Московским городским самоуправлением по просьбе московских купцов Петра, Александра и Василия Алексеевичей Бахрушиных. На предоставленном городом участке Бахрушины возвели десять строений: церковь, семь одноэтажных жилых корпусов для помещения воспитанников, двухэтажный учебно-производственный комплекс, в котором располагались мастерские и проходило обучение и другое, тоже двухэтажное, административное здание с конторой, лазаретом, трапезной и квартирами, в которых жили директор, воспитатели и их семьи.

В рамках изучения истории создания бахрушинского архитектурного комплекса в Сокольниках и храма Живоначальной Троицы были просмотрены фонды Центрального архива научно-технической документации г. Москвы, Центрального исторического архива Москвы, архива Мосводоканала, а также изучены опубликованные, в том числе и в сети интернет, материалы. Кроме этого, были проанализированы исторические материалы, собранные приходом храма Живоначальной Троицы и его бывшем настоятелем о. Сергием Чуевым, были собраны изобразительные и текстовые источники по теме, архивные фотографии, иллюстрирующие состояние объекта на протяжении XX века, а так

же чертежи первоначального проекта храма. Большое значение имеют материалы первичного обследования росписей храма, проведенного специалистами института «Спецпроектреставрация» в начале 2000-х годов. На основании полученных данных к Пасхе 2015 года создан и выпущен в свет первый научно-популярный буклет по истории храма Живоначальной Троицы в Сокольниках.

Архитектор, спланировавший архитектурный облик храма точно не известен, предположительно им был Карл Карлович Гиппиус (1864–1941), осуществлявший общее руководство проектом. Непосредственным архитектором-строителем возводимой домово́й церкви приюта во имя Живоначальной Троицы был, предположительно, Виктор Васильевич Лебедев, автор жилых зданий приюта. На сохранившихся планах виден общий замысел архитектора, который разместил одноэтажные корпуса во круг здания храма, а более высокие здания вынес ко входу в приют вдоль главной аллеи. От ворот храм был хорошо виден, потому что он замыкал прямую линию широкой аллеи, проложенную от входа между массивных кирпичных строений двух первых корпусов. В то же время, если смотреть на храм будучи на территории приюта, он оказывался в центре одноэтажных строений и выступал средоточием всей внутренней композиции. Центральное место храма подчеркивалось тем, что он стоял на перекрестье двух липовых аллей идущих под прямым углом с запада на восток и с севера на юг.

Троицкая церковь построена в русско-византийском стиле – популярном направлении эпохи историзма, когда зодчие брали за основу архитектурные образцы разных времен. Общий план сооружения имеет прямоугольную форму, при этом в основу объемно-пространственной композиции положен греческий крест, форма которого хорошо прочитывается с восточной стороны за счет понижения угловых компартиментов. Восточный рукав креста заканчивается полукруглой апсидой. Средокрестие изначально венчалось одной главой на горке кокошников. В интерьере четыре мощных столба несут перекрытия разных конструкций, как традиционные, так и новаторские для своего времени своды

системы «Монье» (параллельные железобетонные сводики со стержнями арматуры внутри).

Симметричная композиция с двумя боковыми приделами восходит к древнерусским храмам годуновского времени. При этом западный фасад имеет неожиданное асимметричное решение, напоминающее о памятниках эпохи царя Алексея Михайловича. Колокольня храма смещена в северо-западный угол здания, а в юго-западном компартименте, также увенчанном главкой, располагается лестница на хоры, кованое ограждение которой выполнено в мастерских приюта.

Декор фасадов храма ориентирован на архитектуру т. н. «московского узорочья» XVII века. Его формы повторяли утраченное ныне парадное шатровое крыльцо на кубоватых опорах, шатровая колокольня, кокошники в основании глав, наличники окон с характерными тройными и коронообразными завершениями и т. д. Возможно, при проектировке храма архитектор ориентировался на конкретные образцы, что было типично для русского стиля и архитектуры историзма в целом. Так, оформление вытянутых окон на боковых фасадах мелкими наборными колонками-бусами напоминает памятники стиля царя Федора Алексеевича и, прежде всего, церковь Тихвинской иконы Богородицы в Алексеевском. Храм был построен из кирпича мытищинского заводчика, почетного гражданина Ивана Павловича Воронина, клеймо которого можно видеть на одной из кирпичей справа от входа в церковь.

Боковые приделы церкви поименованы в память родителей братьев Бахрушиных Алексея Федоровича и Натальи Ивановны: северный, левый от входа – во имя мучеников Адриана и Наталии, южный – во имя преподобного Алексия, человека Божия. Они были освящены 15 сентября 1902 года. Главный – Троицкий, как и в приходской церкви семьи Бахрушиных в Кожевниках, освящен 18 мая 1903 года. Чин освящения возглавил митрополит Московский и Коломенский Владимир (Богоявленский), в 1992 году прославленный в лике святых как священномученик.

Необыкновенной красотой отличалось внутреннее убранство

церкви. Сохранилась опись церкви и ее икон, составленная в 1903 году. В ней подробно расписан состав иконостасов главного и боковых приделов. Четырехъярусные резные из дерева иконостасы были полностью позолочены. В правой части местного ряда в центральном иконостасе стояла икона небесных покровителей семейства Бахрушиных. Особенностью художественной программы придельных иконостасов, в целом традиционной, являлось расположение в качестве местных икон композиций двенадцатых праздников: Господских справа от Царских врат и Богородичных слева, а также образов избранных святых в праздничном ряду. На диаконских вратах были написаны изображения редких святых: в северном приделе – мучениц Веры, Надежды, Любви и Софии, в южном – великомученика и целителя Пантелеимона.

На горнем месте находился образ Иисуса Христа Великого Архиерея, восседающего на престоле. На хоругвях были изображены престольные праздники церкви. Справа от входа храм на столбе располагалась большая икона в резной золоченой раме «Иисус Христос благословляет детей» – сюжет, распространенный в церковноприходских школах и тем более в благотворительных приютах. Все иконы, церковная утварь, колокола, облачения были пожертвованы братьями Бахрушиными в 1902–1903 годах.

К празднованию десятилетнего юбилея приюта в 1911 году его домовый храм за три с половиной месяца был расписан художниками мастерской Павла Павловича Пашкова на основе композиций Виктора Михайловича Васнецова из Владимирского собора в Киеве.

Хотя стены церкви в советское время были полностью заштукатурены, исполненные в 1911 году росписи дошли до нас в относительно хорошей сохранности. Об этом свидетельствуют пробные раскрытия живописи в разных частях церкви, сделанные реставраторами института «Спецпроектреставрация» в начале 2000-х годов. Благодаря этим небольшим фрагментам, можно говорить о системе росписи, особенностях иконографии и стиля, ориентированных в основном на композиции В.М. Васнецова,

М.В. Нестерова и других художников, украсивших в 1885–1896 годах собор равноапостольного князя Владимира в Киеве. Стилистические новшества, появившиеся в киевском храме, оказались так созвучны художественным поискам эпохи, что многократно воспроизводились в церковных росписях и на иконах сначала в Санкт-Петербурге и Москве, а потом и в российской глубинке.

Многие мастера, работавшие на рубеже XIX и XX столетий, использовали популярные в искусстве стиля модерн васнецовские и нестеровские образцы. Очевидно, к ним принадлежали и представители «художественно-живописной, иконописной, иконостасной и художественно-декоративной» мастерской «Наследники П.П. Пашкова». В смете на исполнение работ от 9 июня 1911 года, предоставленной Александру Алексеевичу Бахрушину, подразумевалась подготовка стен под стенопись и собственно исполнение священных изображений и орнаментов «в русско-византийском стиле с употреблением золота и серебра».

В документе кратко изложена программа росписи: в главном куполе – образ Новозаветной Троицы, в парусах – четыре евангелиста, на подпружных арках в медальонах – по четыре полуфигуры святых («имена по желанию»), на стенах храма в числе других композиций – шесть фигур святых, тезоименитых императорской чете и наследнику цесаревичу, а также братьям Бахрушиным. В алтарных куполах- сводах планировалось написать Святого Духа в золотом сиянии, в малом своде – Иисуса Христа Еммануила. В главном алтаре в медальонах – разместить поясные образы учителей Церкви и творцов литургии святителей Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова и Григория Двоеслова. Кроме изображений, стены храма предполагалось сплошь декорировать орнаментом «в светлых тонах». 17 июля 1911 года указанные в смете виды работ принял к исполнению Иван Пашков.

Реставрационные фрагментарные расчистки позволяют сделать несколько дополнений к указанной в документах системе росписи церкви. В боковых нефх главное место на сводах отдано

дванадцатым праздникам: «Рождество Христово» и «Благовещение Богородицы» написаны в северной части, «Восстание из Гроба» и «Крещение Господне» – в южной. В основе этих крупных композиций – одноименные росписи М.В. Нестерова из Владимирского собора, переданные (за исключением частично раскрытого «Благовещения») с большой точностью и вниманием к деталям. Остается неясным, насколько сами творцы оригиналов участвовали в столь близком их воспроизведении в одном из московских храмов или же эти композиции уже не воспринимались авторскими. Создатели троицкой стенописи мастерски повторили не только рисунок образцов, вписав их в новую архитектурную среду, но и разработанный в киевском соборе новый стиль религиозной живописи.

Интересная программа прочитывается и в стенописи на подпружных арках, более творческой по характеру. На востоке представлены святители Московские Петр, Алексей, Иона и Филипп, изображенные в клобуках или архиерейских шапках древнего образца, на западе – наиболее чтимые русские преподобные, основатели монашества Антоний и Феодосий Печерские, Сергей Радонежский и канонизированный в год освящения церкви старец Серафим Саровский. На южной арке в западной части раскрыт образ великомученицы Екатерины – значит, образы женской святости тоже были введены в роспись домово́й церкви приюта для мальчиков. Орнаментальная декорация стен включает на значимых местах изображения Голгофского креста и священных текстов.

Особо следует сказать о композиции, расположенной на своде главного алтаря. Ее киевский первоисточник кисти В.М. Васнецова на плафоне главного нефа Владимирского собора именуется по-разному: «Единородный Сын Слово Божие» или просто «Бог Слово», в соответствии с текстом первых строк из Евангелия от Иоанна на свитке (Ин 1. 1–3). По сути, здесь получил развитие и новое художественное воплощение традиционный средневековый образ Иисуса Христа Еммануила, восходящий к одному из пророческих наименований Миссии, которое в переводе означает: «с нами Бог». В основе образа

юного безбородого Спасителя лежит пророчество Исаии о будущем рождении Спасителя: «Се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил» (Ис 7. 14). Этот образ как нельзя лучше подходил для церкви детского приюта: к нему, олицетворяющему приносимую в алтаре бескровную Жертву, были устремлены взоры молящихся прихожан. У В.М. Васнецова Еммануил, окруженный символами евангелистов, изображен с крестом в руке – прообразом грядущего страдания на Голгофе.